

Дмитрий Анучин

**Задачи современной
антропологи и
ее отношения...**

Дмитрий Николаевич Анучин
Задачи современной
антропологии и ее
отношения к другим наукам
Серия «Антропологические
очерки», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2886545

Аннотация

«Подъ именемъ антропологии разум#ють, въ настоящее время, изученіе челов#ка въ естественно-историческомъ отношеніи, т. е. изученіе видоизм#неній челов#ческаго типа, какъ онъ представляется намъ въ различныхъ этническихъ группахъ (расахъ, племенахъ, народахъ), на различныхъ пунктахъ земнаго шара и въ различныя историческія и до-историческія эпохи. До н#которой степени антропологию можно, пожалуй, считать отд#ломъ біологіи или точн#е зоологіи, если, согласно съ большинствомъ зоологовъ, начиная съ Линнея, принимать, что челов#къ, по своей физической природ#, образуеъ первую группу во глав# животнаго царства...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Дмитрий Николаевич Анучин Задачи современной антропологи и ея отношенія къ другимъ наукамъ

Подъ именемъ антропологиі разум#ють, въ настоящее время, изученіе челов#ка въ естественно-историческомъ отношеніи, т. е. изученіе видоизм#неній челов#ческаго типа, какъ онъ представляется намъ въ различныхъ этническихъ группахъ (расахъ, племенахъ, народахъ), на различныхъ пунктахъ земнаго шара и въ различныя историческія и до-историческія эпохи. До н#которой степени антропологию можно, пожалуй, считать отд#ломъ біологіи или точн#е зоологіи, если, согласно съ большинствомъ зоологовъ, начиная съ Линнея, принимать, что челов#къ, по своей физической природ#, образуетъ первую группу во глав# животнаго царства. Но изв#стно, что главное отличіе челов#ка заключается въ его психической природ#, которая, хотя и можетъ быть разсматриваема,

до известной степени, какъ результатъ постепеннаго осложненія и развитія, однако, по самому характеру своихъ явленій, вызываетъ иные задачи и приемы изученія, отличные отъ обыкновенно прилагаемыхъ къ изученію царства животныхъ и, следовательно, выходящіе изъ предѣловъ области зоологіи. Между тѣмъ, при изученіи человѣческихъ разновидностей, ихъ характеристичныхъ особенностей и взаимнаго сродства, нельзя основываться исключительно на физическихъ признакахъ, нельзя игнорировать проявленія психической дѣятельности и столь характерной для многихъ группъ племенъ формы быта и стадіи культуры. Притомъ, тщательный анализъ проявленій мысли и творчества у различныхъ народовъ, особенно стоящихъ на нисшихъ, болѣе первобытныхъ ступеняхъ культуры, представляетъ важность еще въ томъ отношеніи, что при помощи его и при сопоставленіи его съ анализомъ физической организаціи, является возможность дойти до болѣе широкаго пониманія человѣческой природы вообще, и до нѣкотораго уясненія первобытныхъ формъ ея развитія.

Уже изъ этого бѣглаго, краткаго опредѣленія можно заключить, что антропологія должна была явиться сравнительно поздно, и не ранѣе, какъ былъ собранъ порядочный запасъ свѣдѣній о человѣческихъ племенахъ и составлено сколько-нибудь обстоятель-

ное понятие объ организациі чело#ка и животныхъ. Д#йствительно, первыя научныя начатки антропологіи относятся не дал#е, какъ къ прошлому стол#тію, къ эпох#, когда произошелъ р#шительный поворотъ въ воззр#ніяхъ европейскихъ мыслителей на чело#ка. Усп#хи, достигнутые къ этому времени анатоміей и фізіологіей, вызвали мало по малу уб#жденіе. что чело#къ, по своей физической природ#, долженъ быть поставленъ на ряду съ животными. Въ то же время прогрессъ астрономіи и физическихъ наукъ им#лъ сл#дствіемъ окончательное паденіе прежнихъ гео— и антропоцентрическихъ теорій и привелъ къ сознанію непреложности физическихъ законовъ и зависимости между матеріей и силой. Увеличеніе зоологическихъ св#д#ній навело мало по малу на идею о постепенномъ осложнеіни въ органическомъ и особенно въ животномъ мір#, а накопленіе бол#е или мен#е достов#рныхъ изв#стій о племенахъ дикарей и о чело#коподобныхъ животныхъ подало поводъ распространить эту идею и на чело#ка.

Явились дв# философскихъ теоріи, два различныя воззр#нія на чело#ка въ его естественномъ, первобытномъ состояніи. По одному воззр#нію, это былъ грубый, жалкій дикарь, который только, благодаря своей бол#е совершенной физической организациі и присущимъ ему инстинктамъ, могъ, мало по малу, со-

здать себ# языкъ и достигнуть большей или меньшей степени цивилизаціи; по другой теоріи первобытный челов#къ выставлялся бол#е совершеннымъ, ч#мъ современный, – испорченный, какъ принимали н#которые, культурой и обществомъ, и т#ми неестественными преградами, которыя были поставлены его развитію. Не вдаваясь зд#сь въ разсмотр#ніе этихъ философскихъ теорій XVIII в#жа, достаточно сказать, что он#, несомн#нно, должны были дать сильный толчокъ изученію челов#ка и его разновидностей, и, д#йствительно, сопровождались первыми научными начатками антропологии. Вс# эти новыя воззр#нія на челов#ка, его первобытное состояніе и это отношеніе къ животному царству должны были обратить вниманіе ученыхъ на нисшія племена челов#чества, на ихъ физическіе и психическіе признаки, и на сравненіе ихъ организаціи съ организаціей высшихъ животныхъ. Начало изсл#дованій въ этомъ отношеніи было положено Бюффономъ, Добантономъ и Блуменбахомъ. Въ 1749 г., вышелъ III томъ Естественной Исторіи Бюффона, въ которомъ былъ сд#ланъ первый опытъ подробнаго изученія варіететовъ челов#ческаго рода, на сколько они тогда были изв#стны, – ихъ географическаго распространенія и причинъ, которыми можно было, бол#е или мен#е, объяснить ихъ различіе.

Въ 1764 г., Добантонъ представилъ въ Парижскую

Академію мемуаръ, въ которомъ доказывалъ, что животныя, даже самый близкій къ челов#ку, отличаются отъ него по устройству черепа. именно по его постановк# на позвоночномъ столб# и по положенію затылочнаго отверстія. Въ 1775 г. вышло первое изданіе знаменитой диссертациі Blumenбаха: "De generis humani varietate nativa", въ которой онъ разбираетъ анатомическія отличія челов#ка отъ животны-хъ, устанавливаетъ четыре разновидности челов#ка, (въ сл#дующихъ изданіяхъ онъ прибавилъ еще пя-тую) доказываетъ, что вс# он# составляютъ одинъ видъ и полагаетъ, такимъ образомъ, первыя осно-вы систематическаго ученія о челов#ческихъ расахъ. Около этого же времени голландецъ Камперъ, въ своемъ мемуар# "объ естественныхъ различіяхъ, характеризующихъ фізіономію людей различныхъ климатовъ", даетъ первый точный методъ сравненія формъ черепа и фізіономіи, и наглядно показыва-етъ т# различія, которыя существуютъ въ этомъ отно-шеніи, съ одной стороны, между челов#комъ и живот-ными, съ другой, между различными челов#ческими расами. Около того же времени, Циммерманъ д#ла-етъ попытку изучить географическое распространеніе млекопитающихъ и челов#ческихъ расъ; Земмерин-гъ издаетъ интересный по своему времени этюдъ "о т#лесномъ отличіи негра отъ европейца"; Уайтъ

дають перший опытъ сравнительно-антропометрическихъ изсл#дованій; Blumenbachъ, въ своихъ "De cades craniorum diversarum gentium" полагаєть первыя основанія сравнительной краніологіи; Лудвигъ, наконецъ, издаєть первый учебникъ "естественной исторіи чело#ка".

Въ то же самое время Жюссє, Наудель, Эвнардь и другіе затрогивають вопросъ о доисторическомъ существованіи чело#ка въ Европ#; Монбоддо и Де-Броссь д#лають первыя попытки объяснить происхождение чело#ческой р#чи; Монтескьє и Гогэ стараются изучить условія и ходъ развитія чело#ческихъ обществъ, законовъ, искусствъ; Гердеръ полагаєть первыя основанія философіи исторіи. Св#д#нія о чело#ческихъ племенахъ начинаютъ быстро увеличиваться: открываєтся новый, неизв#стный ран#е, міръ Полинезіи и Австраліи, получаютъ св#д#нія о неизв#стныхъ ран#е народахъ южной Африки и многихъ частей Азіи и Америки. Наконецъ, около этого-же времени, именно въ самомъ начал# нын#шняго стол#тія, основывается въ Париж# "Общество наблюдателей чело#ка", – Société des Observateurs de l'homme, поставившее себ# задачу "собирать св#д#нія не только о нравахъ и обычаяхъ различныхъ народовъ, даже самыхъ дикихъ, но и изучать, посредствомъ точныхъ наблюденій, вн#шнія формы различныхъ расъ,

влияние климата на цвѣтъ жителей и т. п., однимъ словомъ, собирать всевозможные матеріалы для подготовленія полной и достовѣрной исторіи челоукаго рода. Все это, взятое вмѣстѣ, показываетъ, что уже въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, стала довольно ясно сознаваться потребность въ разработкѣ антропологии и можно было ожидать, что дружными усиліями натуралистовъ, путешественниковъ и историковъ, эта отрасль знанія пойдетъ безостановочно впередъ.

Надежды эти, однако, не вполне оправдались. "Общество наблюдателей челоука" существовало весьма недолго и закрылось, не оказавъ никакого влияния на развитіе науки. Въ теченіе первой половины нынѣшняго столѣтія, анатомія челоуческихъ расъ сдѣлала весьма мало успѣховъ и немного добавила къ тому, что уже было добыто Блуменбахомъ, Камперомъ, Дебонтаномъ. Масса новыхъ формъ, съ которыми въ это время познакомились зоологи, открытіе остатковъ многихъ ископаемыхъ, усовершенствованіе микроскопа, успѣхи физиологии и эмбриологии обратили въ это время вниманіе натуралистовъ на другія области знанія, обѣщавшія болѣе вѣрные и плодотворные результаты, чѣмъ изученіе челоуческихъ расъ, матеріалы для познанія которыхъ собирались медленно. Наука о психической жизни

совершенно отделилась от наукъ естественныхъ и стала разрабатываться особымъ методомъ, къ сожалѣнію, оказавшимся мало плодотворнымъ. Авторитетъ Кювье установилъ, въ это время, твердо положеніе, что человекъ явился сравнительно недавно, въ современную геологическую эпоху, и что онъ не можетъ быть найденъ въ ископаемомъ состояніи, вмѣстѣ съ останками вымершихъ животныхъ. На основаніи того же авторитета, всеми натуралистами было признано, что каждый видъ организмовъ былъ созданъ отдельно, и что всѣ они остаются неизменными, подвергаясь только незначительнымъ варіаціямъ. Въ приложеніи къ человеку, это могло означать или, что все человечество составляетъ одинъ видъ, происшедшій отъ одной пары особей и распавшійся, подъ вліяніемъ климатическихъ условій, на значительное число разновидностей, или, что онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ первичныхъ расъ. получившихъ начало въ различныхъ странахъ земнаго шара и образовавшихъ въ послѣдствіи множество варіететовъ и помесей. Первое мнѣніе принималось большинствомъ натуралистовъ, особенно нѣмецкихъ и англійскихъ, но второе также находить не мало послѣдователей, особенно во Франціи и Америкѣ. Первые, *моногенисты*, находили подтвержденіе своимъ воззрѣніямъ въ существованіи переходныхъ типовъ между расами

и въ способности различныхъ племень: смѣшиваться между собою и производить плодущее потомство; вторые, *полигенисты*, основываясь, главнымъ образомъ, на устойчивости и неизмѣнности расовыхъ признаковъ, въ продолженіе послѣднихъ 6000 лѣтъ; какъ о томъ можно, наприимѣръ, судить по изображеніямъ различныхъ расъ на египетскихъ монументахъ. Во всякомъ случаѣ, изученіе этихъ мелкихъ, трудно уловимыхъ племенныхъ особенностей, не представляетъ достаточнаго интереса для большинства біологовъ, тѣмъ болѣе, что оно не освѣщалось въ это время никакою общею плодотворною идеею.

Тѣмъ не менѣе этотъ періодъ времени, именно первыя 60 лѣтъ нынѣшняго столѣтія, прошелъ далеко не бесплодно для антропологии. Въ теченіе его были положены прочныя основанія сравнительнаго языкознанія; трудами Боппа была твердо установлена связь между языками индоевропейской группы; а также, трудами Вил. Гумбольдта, Клапрота, Лихтенштейна, Кастрена, Габеленца и другихъ, – между языками южной Африки, малайскими, урало-алтайскими, полинезійскими. Въ этотъ же періодъ появились первыя научныя начатки сравнительной мифологии; положены первыя серьезныя основы для научнаго изученія народной литературы, народнаго быта, многихъ памятниковъ древности, исторіи культу-

ры. Мысль, высказанная въ прошломъ столѣтїи, Монтескьё и Гердеромъ; возродилася въ болѣе опредѣленной формѣ, въ идеѣ Риттера "о вліяніи на ходъ всемірной истерїи внѣшнихъ физическихъ условій". Нѣкоторые мыслители, какъ напримѣръ Поттъ, Гобино и другіе, полагали возможнымъ включить въ число такихъ опредѣляющихъ условій и психическія различія самихъ племенъ, или существующее между ними въ этомъ отношеніи неравенство. Съ другой стороны, изслѣдованія Кетлэ показали, что, въ противоположность принятому мнѣнію, факты общественные, опредѣляемые свободнымъ произволомъ чловѣка, совершаются съ неменьшею правильностію, нежели факты, подверженные простому дѣйствию физическихъ причинъ. Все это, по необходимости, вело къ заключенію, что движеніе историческихъ событій и развитіе чловѣческихъ обществъ опредѣляется естественными законами и зависитъ, до извѣстной степени, отъ опредѣленныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ. Матеріаль для познанія отдѣльных племенъ въ это время значительно увеличился.

Получены были обстоятельныя свѣдѣнія объ исторїи и культурѣ Индіи, Китая, Японїи, Малайскаго Архипелага, Перу, Мексики, равно какъ и о бытѣ многихъ первобытныхъ, полудикихъ племенъ. Мало по малу свѣдѣнія эти увеличились настолько, что имъ стали

уделять все больше и больше места, как в истории культуры (в примечень можно привести историю Клема), так и в естественной истории человека.

Замечательнейшей из последователей Blumenbach, Причард, вводит уже в свои "Исследования о физической истории человека" (1808-36) подробные описания отдельных племен и народов, причем уделяет наибольше место данным языкознания, истории и характеристикам быта. В это же время, именно в двадцатых годах, входит в употребление термин "этнография" для обозначения систематического описания и распределения народов, основанного, главным образом, на данных языкознания, а также термин "этнология", введенный впервые Вильямом Эдварсом, для обозначения науки о человеческих расах, причем под словом "раса" он подразумевает "совокупность физических, интеллектуальных и моральных признаков, свойственных известной этнической группе". В 1839 г. Вильям Эдварс основал в Париже первое этнологическое общество, определив задачей его: "изучение организации человеческих рас, их умственных и нравственного развития, их языков и исторических преданий, для того, чтобы утвердить на ее настоящих основах науку о человеческих племенах или этнологию." В трудах этого общества,

равно какъ и основанныхъ въ подражаніе ему обществъ Лондонскаго и Нью-Йоркскаго, было помѣщено нѣсколько интересныхъ этнографическихъ изслѣдованій и матеріаловъ, хотя вообще дѣятельность этихъ учреждений, въ которыхъ почти вовсе не принимали участія натуралисты, и не была особенно плодотворною.

Какъ бы то ни было, количество антропологическаго матеріала, съ теченіемъ времени продолжало увеличиваться, мало по малу явилась потребность сгруппировать его въ систему, сопоставить вмѣстѣ его различныя категоріи, внести въ него болѣе точныя методы. Для успешной дальнѣйшей разработки науки, нужно было прежде всего яснѣе сознать ея задачу и опредѣлить точнѣе ея возможныя цѣли, чтобы направить, соотвѣтственно имъ, дальнѣйшія изслѣдованія. Такой счастливый моментъ совпадаетъ съ 1859-60 годами, къ которымъ вообще можно отнести начало новаго періода развитія антропологіи.

На самомъ рубежѣ этого періода стоитъ сочиненіе профессора Вайца: "Антропологія первобытныхъ народовъ" (Anthropologie der Naturvölker), первый томъ котораго, посвященный вопросамъ о единствѣ человеческого рода и естественнаго состоянія человека, вышелъ въ 1859 году. По своему содержанію, это сочиненіе замыкало собою предыдущій періодъ. Въ

немъ, съ необыкновенной эрудиціей, были сопоставлены и критически разобраны всѣ факты, добытые предыдущими изслѣдованіями, и не прибавлено въ сущности ни одного новаго. Но что въ немъ было новаго, это воззрѣніе на задачи изслѣдованія и цѣль антропологии. Но мнѣнію Вайца, антропология должна служить звеномъ, связывающимъ естественнонаучное познаніе челоука съ историческимъ, или точнѣе, должна изучить челоука въ состояніи его перехода отъ естественнаго первобытнаго одиночнаго состоянія къ жизни общественной и культурной. Современная наука, конечно, не можетъ согласиться съ мнѣніемъ объ одиночномъ, первобытномъ состояніи челоука; она принимаетъ даже, что стадное общество существовало ранѣе семьи, тѣмъ не менѣе, она должна признать вѣрность мысли Вайца, что для болѣе широкаго пониманія челоука;ческой природы, во всѣхъ ея проявленіяхъ, невозможно ограничиваться изученіемъ только тѣхъ формъ, какія намъ представляла исторія цивилизаціи, но необходимо принимать во вниманіе и такъ называемые некультурные первобытные народы.

Мы сказали, что къ 1859-60 годамъ можно отнести рѣшительный поворотъ въ развитіи антропологии. Дѣйствительно, съ этими годами совпали нѣкоторыя событія, оказавшія важное вліяніе на прогрессъ на-

уки; а именно: 1) открытие, или *revelation* – признание подлинности ископаемых остатков человека и его культуры, 2) появление теории происхождения видов Дарвина и 3) основание антропологического общества в Париже. – Что касается ископаемых остатков человека и его культуры, то нужно заметить, что они были находимы и ранее, даже еще в прошлом столетии, но не обращали на себя должного внимания. После истории с антрополитом Гваделупы, признанным Кювье за современное образование, ученые, стали смотреть скептически на все известия о подобных находках. Открытия, сделанные в двадцатых годах, Турналем в одной пещере южной Франции, результаты раскопок Шмерлинга в пещерах южной Бельгии и Годвина-Остена в Кентской пещере Англии остались не признанными, равно как долгое время и "находки Душэ-де-Перта в аллювии р. Соммы (в северной Франции). Так продолжалось до 1859-60 годов. В 1859 г., известный английский геолог Прествич, осмотрев вместе с археологом Эвансом долину р. Соммы, и произведя необходимые раскопки, представил Лондонскому Королевскому Обществу мемуар, в котором доказывал подлинность и древность найденных здесь кремневых орудий. В том же году, означенная местность была посещена знаменитым геолого-

мъ Лайеллемъ, который осенью того же года, на митингъ Британской Ассоціаціи наукъ въ Эбердинъ, подтвердилъ, съ своей стороны, древность кремневыхъ орудій изъ аллювія Соммы. Эти р#шительные выводы англійскихъ геологовъ склонили къ упомянутымъ находкамъ и французскихъ ученыхъ. Въ томъ же году, Сентъ-Ашэльская и Аббевильская копи были осмотр#ны Пушэ-Годри, Эберомъ и Денуойэ, которые вс# нашли возможнымъ подтвердить выводы Прествича и Лайелля, добывъ лично оббитые челов#ческой рукою кремни (топоры) въ слояхъ, заключавшихъ въ себ# останки ископаемыхъ животныхъ. Въ сл#дующемъ 1860 году, Лартэ началъ свои раскопки пещеръ южной Франціи, прежде всего знаменитаго, Оринваккаго грота, и представилъ ихъ Парижскую Академію Наукъ свой изв#стный мемуаръ о "существованіи челов#ка съ большими ископаемыми животными; характеристичными для посл#дняго геологическаго періода. Въ томъ же 1860 году, западно-европейскіе ученые, впервые, познакомились обстоятельно съ изсл#дованіями датскихъ и шведскихъ археологовъ о древн#йшемъ каменномъ період# ихъ страны; благодаря прекрасному отчету Морло, изданному Лозанскимъ Обществомъ Естествоиспытателей. Наконецъ, въ томъ же 1860 г., вышло сочиненіе Тройона "о древнихъ постройкахъ на сваяхъ въ Швейцарскихъ озе-

рахъ" (пфальбаутахъ), первое открытіе коихъ относится къ 1854 году, но которыя были описаны подробно Келлеромъ и Рютгемейеромъ, только въ 1868-61 годахъ. Такимъ образомъ, въ 1860 году доисторическая археологія почти сразу обогатилась многими новыми находками и изслѣдованіями и значительно разширила имѣвшіяся представленія о древнѣйшихъ судьбахъ челоука въ Европѣ.

Вторымъ событіемъ, оказавшимъ замѣтное вліяніе на прогрессъ антропологии было появленіе теоріи Дарвина. Эта теорія, плодъ многолѣтнихъ трудовъ и наблюденій извѣстнаго натуралиста, конечно, не могла остаться безъ приложенія къ челоуку. Первые опыты такого приложенія были сдѣланы Гѣксли и Фоктомъ, въ рядѣ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ ими въ Лондонѣ и Невшателѣ. Взгляды Гѣксли и Фохта (впослѣдствіи по этому предмету высказался и самъ Дарвинъ), не могли не обратить на себя вниманія натуралистовъ и вызвали цѣлый рядъ работъ по сравнительной анатоміи приматовъ (Брока, Граціоло, Бишофа, Оуена, Флауэра, Эккера, Луцэ и др., которыя во многихъ отношеніяхъ дополнили, прежнія изслѣдованія по тому же предмету. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новая теорія, и именно доказанный Дарвиномъ принципъ естественнаго и полового подбора и борьбы на существованіе въ органическомъ мірѣ, внесла новый

свѣтъ и въ науку о человѣческихъ племенахъ или этнологію, указавъ на новый факторъ измѣнчивости и происхожденія признаковъ. Съ другой стороны, эта же теорія постепеннаго развитія, въ связи съ данными, добытыми одновременно доисторической археологіей, этнографіей и исторіей культуры, вызвала стремленіе проникнуть глубже въ исторію развитія человечества, прослѣдить тѣ пути, по которымъ шло наростаніе первобытной культуры и ту смѣну формъ, которую испытало въ своемъ развитіи примитивное человѣческое общество. Замѣчательныя изслѣдованія Лѣббока, Тэйлора, Бастіана, Спенсера, Макъ-Леннана, Бакховена, Маргина, Гейгера и другихъ были попыткою дать отвѣтъ на эти вопросы и разъяснить первоначальное возникновеніе и развитіе человѣческой рѣчи, письма, искусства, вѣрованій, нравственности, брака, семьи, собственности, и другихъ психическихъ, и соціальныхъ явленій человечества. Мысль Конта о необходимости естественной науки объ обществѣ, или соціологіи, начала получать осуществленіе въ трудахъ только что перечисленныхъ мыслителей, въ особенности Спенсера. – Психологія точно также выступила на новый, болѣе плодотворный путь развитія. Тотъ метафизическій методъ, которымъ разрабатывали психологію до шестидесятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія, мало по малу былъ при-

знанъ безплоднымъ и оставленъ. Въ настоящее время сд#далось яснымъ, что только въ соединеніи съ физиологіей, зоологіей, антропологіей, психіатріей, этнографіей, лингвистикой, исторіей культуры психологія можетъ над#яться дойти до сколько-нибудь удовлетворительнаго разр#шенія ея сложныхъ вопросовъ. – Третьимъ событіемъ, оказавшимъ вліяніе на развитіе науки, было, какъ я сказалъ, основаніе антропологическихъ обществъ, и прежде вс#хъ Парижскаго. Основанное, по инициатив# Брока, небольшимъ кружкомъ анатомовъ и врачей, Парижское Антропологическое Общество скоро обратило на себя вниманіе, какъ т#ми вопросами, которые оно поставило задачею своей д#ятельности, такъ и т#ми бол#е положительными методами, которые оно старалось ввести въ изсл#дованіе челов#ческихъ разновидностей. По прим#ру его скоро основались антропологическія общества въ Лондон#, В#н#, Флоренціи, Германіи. Въ 1861 году, по инициатив# К. #. фонъ-Бэра, состоялся съ#здъ н#мецкихъ антропологовъ въ Гёттинген#. На этомъ съ#зд# былъ обсуждаемъ вопросъ объ основаніи антропологическихъ обществъ въ Германіи, было р#шено издавать спеціальній журналъ, "Archiv fur Anthropologie", и была сд#лана попытка выработать однообразные методы антропологическихъ изсл#дованій, – попытка, бол#е полное осуществленіе которой было сд#лано

однако позже и уже Парижскимъ Обществомъ.

Всѣ перечисленные факты, почти совпавшіе въ своемъ появленіи въ состояніи объяснить, думается намъ, то движеніе, которое стало замѣчаться въ антропологии съ начала шестидесятыхъ годовъ. Различные отдѣлы ея, разрабатывавшіеся ранѣе совершенно отдѣльно, нисколько не интересуясь одинъ другимъ, стали теперь понимать пользу и выгоды ассоціаціи, сознали необходимость дѣйствовать совместно для разрѣшенія общихъ задачъ. Вместе съ тѣмъ и самыя задачи антропологии стали опредѣляться яснѣе, равно какъ и ея границы по отношенію къ другимъ наукамъ. Ранѣе терминъ "антропология" употребляли большей частью, къ довольно неопредѣленному смыслѣ. Въ XVI и XVII вѣкахъ, это названіе придавалось совокупности извѣстныхъ тогда свѣдѣній о физической и психической природѣ чловека, включая сюда также свѣдѣнія анатомическія и физическія. Мало по малу, однако, когда анатомія и фізіологія обособились въ отдѣльныя науки, на долю антропологии остались только естественная исторія чловека и психологии. Въ 1789 гъ Кантъ, въ своей "Anthropologie in pragmatisher Hinsicht", опредѣлилъ антропологию, какъ систематическое ученіе о чловекѣ, рассматривающее его въ фізіологическомъ или прагматическомъ отношеніи. Фізіологическое изученіе заключается по

Канту, въ изслѣдованіи того, что природа дѣлаетъ изъ чело#ка; прагматическое же – въ изученіи того, что тотъ, какъ свободное въ своихъ поступкахъ существо, самъ дѣлаетъ изъ себя, или что онъ можетъ и долженъ дѣлать. Изъ другихъ м#сть его сочиненія видно, что Кантъ включалъ изученіе чело#ческихъ расъ въ "физическую географію", подъ антропологіей же собственно онъ разум#лъ н#что, что всего ближе подходитъ къ дедуктивной психологіи чело#ка. Въ такомъ же смысл# употреблялся большею частью терминъ "антропологія" въ Германіи и посл# Канта, до самыхъ шестидесятихъ годовъ. Въ этотъ промежутокъ времени была издана масса сочиненій подъ такимъ названіемъ и вс# они представляютъ бол#е или мен#е удачные опыты дедуктивныхъ психологическихъ системъ. Мы слишкомъ мало, знакомы съ той обширной литературой, чтобы оц#нить, какъ сл#дуетъ, ея значеніе; но, судя по отзывамъ компетентныхъ лицъ, полагаемъ, что результаты ея были не особенно удовлетворительны и не очень подвинули впередъ наше знаніе психическихъ явленій.

Наоборотъ, н#мецкіе натуралисты конца XVIII и начала XIX в#ка, какъ, напр., Блуменбахъ, Лудвигъ, Рудольфи и др. разум#ли подъ антропологіей, по преимуществу, естественную исторію чело#ка. Въ томъ же смысл# употреблялся терминъ "антропологія" и во

Франціи, гдѣ уже въ 1838 году была основана кафедра антропологии въ Парижскомъ Музее Естественной Исторіи. Болѣе опредѣленное приложеніе получилъ, однако, этотъ терминъ, только въ шестидесятыхъ годахъ, со времени появленія сочиненія Вайца и основанія антропологическихъ журналовъ и обществъ. Съ этого времени онъ сталъ употребляться для обозначенія естественной исторіи челоука въ обширномъ смыслѣ, включая въ нее также этнологию, сравнительную психологию племенъ и исторію первобытной культуры. — Что касается задачъ антропологии, то мы уже указали на нихъ въ началѣ настоящаго очерка; мы позволимъ себѣ, однако, сказать о нихъ еще нѣсколько словъ.

Объектъ изслѣдованій современной антропологии опредѣляется зоологической группой рода "человѣкъ" (homo), разсматриваемой какъ не отношенію къ входящимъ въ составъ ея разновидностямъ, такъ и въ ея цѣломъ, въ ея отношеніи къ другимъ зоологическимъ группамъ. Соотвѣтственно двумъ категоріямъ явленій, которыя представляются намъ природою челоука, именно явленіями его физической жизни и его психической дѣятельности, антропология включаетъ въ кругъ своихъ изслѣдованій, какъ сравнительно-анатомическое, такъ и сравнительно-психологическое изученіе челоуческихъ разновидностей. Что ка-

сается первого, то оно исходит от строения нормального, здорового типичного человека белой, или точнее Европейской расы и сравнивается с ним те вариации, особенности и отклонения, которые заключаются у различных, более или менее обширных, групп человеческих особей. Из ряда многообразных вариаций, выделяются прежде всего те, которые обуславливаются полом, возрастом, затем те, которые свойственны более или менее обширным группам взрослых особей различных рас. Вследствие почти бесконечной индивидуальной изменчивости человека и отсутствия резких различий между близко-родными разновидностями, выделение типичных признаков последних, требует нередко весьма внимательного сличения. Необходимо тщательное изучение и сравнение мельчайших индивидуальных признаков значительного числа особей, чтобы вывести типичные признаки собственные известной этнической группы, определить пределы изменчивости этих признаков и, в случае присутствия в данной группе нескольких типов, выделить и разграничить их. Простого сравнения здесь часто не может быть достаточно, и приходится прибегать к измерениям и к выводу средних чисел, как это делается и другими науками, при изучении варьирующих явлений и форм, например, метеоро-

рологією, статистикою и даже зоологією, при изсл#до-
ванні видо#въ, богатыхъ разновидностями. Само со-
бою разум#ется, что констатируя т# или другія раз-
личія, наука не можетъ ограничиваться только ихъ
описаніемъ, но должна стремиться уяснить себ#, по
возможности, ихъ значеніе, опред#лить ихъ относи-
тельную важность, составить понятіе объ ихъ гене-
зис#. Для этой ц#ди антропологии приходится прежде
всего обращаться къ даннымъ сравнительной ана-
томіи и эмбріологии, иногда также патологіи и этно-
графіи. Только при помощи этихъ наукъ, можно на-
д#яться объяснить многія особенности, являющіяся
или такъ называемыми "животными образованиями",
или "остановками въ развитіи", или патологическими
уклоненіями, или, наконецъ, искусственными дефор-
маціями. Но этого мало; является вопросъ: чрз#мъ вы-
зываются эти, варіяціи, какъ мы можемъ объяснить
себ# ихъ появленіе, ч#мъ обусловливается ихъ боль-
шее или меньшее распространеніе? Прилагая къ че-
лов#ческимъ разновидностямъ общую для органиче-
скихъ формъ теорію трансформизма, наука стремит-
ся заглянуть въ прошедшее, составить себ# понятіе
объ исторіи развитія челов#ческихъ видоизм#неній.
Для разъясненіи вс#хъ этихъ вопросовъ наука долж-
на; пользоваться, къ сожал#нію довольно скудными
средствами и, часто, весьма отрывочными данными.

Средства эти ограничиваются только наблюдением надъ нын# живущими племенами и т#ми указаніями, которыя могутъ доставить исторія, археологія, палеонтологія. Наблюдая нын# живущія племена въ ихъ естественной обстановк#, при различныхъ, окружающихъ ихъ, вн#шнихъ условіяхъ, зам#чая т# физическія изм#ненія, которыя происходятъ съ челов#ческими особями и группами при ихъ переселеніи изъ однихъ странъ въ другія, изучая проявленія въ челов#ческомъ род# изм#нчивости, насл#дственности, естественнаго и полового подбора, борьбы на существованіе, см#шенія и вымиранія племенъ, наука старается уяснить степень и родъ вліянія, оказываемаго окружающей природой и условіями жизни на челов#ка и пытается опред#лить законы, управляющіе ее естественною жизнью и развитіемъ челов#чества. Съ другой стороны, сопоставляя результаты изсл#дованій современныхъ племенъ съ данными исторіи и съ результатами археологическихъ и палеонтологическихъ изысканій, антропология составляетъ себ# понятіе о племенахъ и народахъ нын# несуществующихъ и о тип# челов#ка въ отдаленные, доисторическія періоды его существованія. Конечно вс# эти данныя еще весьма отрывочны и скудны, но он# драгоц#нны для насъ, какъ свид#тельства нашей глубокой древности; при томъ, сл#дуетъ зам#тить, что эти прямыя данныя,

могутъ быть еще нѣсколько дополняемы косвенными, доставляемыми, отчасти, анализомъ физической организаціи челоука и эмбріональнаго развитія, а, отчасти, сравнительно – психологическимъ изученіемъ челоучества.

Это послѣднее, именно сравнительно-психологическое изученіе, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ антропологіи. Какъ зоологъ, изучающій тѣхъ или другихъ животныхъ, особенно высшихъ, не ограничивается только изслѣдованіемъ ихъ физической организаціи, но старается также составить себѣ понятіе объ ихъ образѣ жизни, инстинктахъ, проявленіяхъ умственныхъ способностей; то же самое явленіе этой категоріи должны интересовать насъ при изученіи челоука, психическая природа котораго представляетъ такое высокое развитіе. Если различныя формы голосовыхъ звуковъ являются характерными признаками для многихъ видовъ птицъ; если соціальныя инстинкты муравьевъ составляютъ одну изъ типичнѣйшихъ особенностей этихъ насекомыхъ; если различныя типы построекъ пчелъ и осъ служатъ однимъ изъ важныхъ критеріевъ для различенія ихъ видовъ, то очевидно, что при изученіи челоуческихъ разновидностей, данныя лингвистики, сравнительной психологіи и этнографіи должны имѣть еще гораздо большее значеніе. Различія въ

строении языковъ часто р#зче разграничиваютъ между собою племена, ч#мъ ихъ физическіе признаки; формы первобытныхъ религій и культуръ могутъ быть бол#е характеристичными, ч#мъ контуръ черепа или цв#тъ кожи. Правда, мы им#емъ доказательства, что народы нер#дко м#няютъ съ теченіемъ времени свой языкъ и заимствуетъ одинъ отъ другаго культуру и религію, и что признаки физическія вообще, устойчив#е психическихъ; но, съ другой стороны, мы знаемъ также, что и физическіе признаки могутъ подвергаться, съ теченіемъ времени, изм#ненію, и что распред#леніе формъ примитивнаго быта и культуры, можетъ иногда въ очевидномъ соотв#тствіи съ степенью физической организаціи племенъ и съ особенностями населяемыхъ ими территорій. Во всякомъ случа#, наше знаніе о челов#ческихъ разновидностяхъ было бы далеко неполнымъ, если бы мы не приняли во вниманіе, столь характерныхъ, для н#которыхъ изъ нихъ явленій жизни психической и соціальной. Притомъ, какъ было уже зам#чено выше, анализъ этихъ явленій, въ особенности, какъ они представляются намъ у народовъ нецивилизованныхъ, можетъ разъяснить намъ до н#которой степени процессъ ихъ первоначальнаго развитія; а сл#довательно, и способствовать пониманію челов#ческой природы вообще.

Кром# изученія расъ въ сравнительно-анатоми-

ческомъ, біологическомъ и психологическомъ отношеніяхъ, кромѣ изслѣдованій первобытной исторіи чело#вка, въ задачи антропологиі входитъ еще систематическое описаніе племенъ и составленіе ихъ естественной классификаціи. Анализируя свойственныя племеннымъ группамъ признаки и особенности, изучая географическое распространеніе переселенія, смѣ#шеніе, образованіе и вымираніе народовъ, наука, въ концѣ# концовъ, имѣ#етъ въ виду синтезъ, – сведеніе своихъ фактовъ въ опредѣ#ленную систему. такимъ синтезомъ и можетъ быть въ естественной исторіи чело#вка классификація, т. е. распредѣ#леніе отдѣ#льных разновидностей по ихъ естественному сходству. Если бы мы могли прослѣ#дить физическое и психическое развитіе чело#чества, съ древнѣ#йшихъ моментовъ его существованія, и уяснить процессъ его постепеннаго развѣ#твленія на значительное число, отчасти вымиравшихъ, в# послѣ#дствіи, разновидностей, и если бы при томъ можно было постигнуть тѣ# условія, которыми это развитіе и развѣ#твленіе въ разныхъ случаяхъ вызывалось, то задача антропологиі была-бы достигнута и самопознаніе чело#вка сдѣ#лало бы громадный шагъ впередъ. Задача эта, однако, настолько громадная, а средства, имѣ#ющіяся для ея разрѣ#шенія, такъ скудны, что чело#чество, по всей вѣ#роятности, никогда не будетъ въ состояніи разрѣ#шить ее

вполн#. Наши знанія въ этомъ отношеніи, подобно тому, какъ въ изв#стной степени, и знанія зоологовъ, ботаниковъ, геологовъ – относительно царства животного; растительнаго и ископаемаго, – подобно тому, какъ и знанія психологовъ, историковъ, археологовъ, осуждены всегда оставаться бол#е или мен#е отрывочными и никогда не будутъ въ состояніи достигнуть желаемой степени точности и полноты. Антропология, какъ и вся морфология вообще, не есть и не въ состояніи быть наукою точною въ которой могъ бы быть прим#нимъ математическій анализъ. Какъ справедливо зам#тилъ Геккель относительно морфологии это есть наука историческая, которой выводы могутъ им#ть значеніе только относительныхъ истинъ; т#мъ не мен#е эти выводы могутъ достигнуть, въ н#которыхъ случаяхъ, такой степени в#роятности и могутъ подвинуть, въ своей совокупности, настолько наше знаніе о челов#к#, что этого уже достаточно для оправданія ея необходимости. Для признанія за ней права науки, наравн# съ другими морфологическими и историческими науками.

Изъ только что сказаннаго можно уже составить себ# н#которое понятіе о томъ, насколько разработка антропологии сопряжена съ трудностями и въ какой м#р# она требуетъ сод#йствія другихъ отраслей знанія. Понятно, наприм#ръ, что, при изученіи фи-

зических различий между расами, антропология не может обойтись без знания анатомии и физиологии нормального человека, которые доставляют ей, так сказать, необходимую точку опоры при сравнении отдельных вариаций. Эмбриология и сравнительная анатомия снабжают ее необходимыми данными для суждения о значении многих вариаций строения, кроме того, первая знакомит еще с индивидуальным развитием или онтогенезом человека вообще; а услуги второй необходимы для определения тех животных останков, которые могут встречаться в древних отложениях вместе с останками человека и его культуры. Для оценки этих последних, их относительной древности и значения, оказывается необходимою, кроме того, еще помощь геологии и палеонтологии, равно как и значительное содействие со стороны археологии. Не может обойтись антропология и без данных зоологии, без знакомства с классификацией высших животных, с фактами зоологической и ботанической географии, не может игнорировать она и данных биологии, подразумевая под последнею изучение условий существования органических видов и влияние на последние окружающей природы. История дает ей сведения о многих, отчасти уже исчезнувших, отчасти еще существующих народах, об их прежнем типе, быте, расселении и

взаимныхъ отношеніяхъ. При изученіи психическихъ особенностей и взаимнаго сродства племень, антропология не можетъ обойтись безъ помощи лингвистики и этнографіи, изъ коихъ послѣдняя является, по отношенію къ ней, какъ бы складочнымъ магазиномъ всякихъ свѣдѣній о различныхъ народахъ. Наконецъ, ей необходимы еще услуги географіи, приходится прибѣгать иногда къ даннымъ психологіи и психіатріи, а также къ фактамъ статистики и даже къ выводамъ наукъ политическихъ и соціальныхъ.

Пользуясь, однако, выводами и данными столь различныхъ отраслей знанія, антропология не ограничивается только сшиваніемъ этихъ разнородныхъ матеріаловъ. Она подвергаетъ ихъ самостоятельному анализу и дополняетъ результатами собственныхъ наблюденій въ виду особыхъ, преслѣдуемыхъ ею, цѣлей. Эти результаты могутъ, въ свою очередь, принести пользу и для другихъ наукъ, могутъ, напримеръ, служить дополненіемъ отчасти къ анатоміи и фізіологіи нормальнаго человѣка, отчасти къ палеонтологіи и археологіи. Если для антропологии необходимо пользованіе данными лингвистики, то и лингвистамъ могутъ пригодиться данныя антропологии и уже со стороны лингвистовъ были сдѣланы попытки согласовать факты сравнительнаго языковѣдѣнія съ фактами, сравнительной морфологіи племень и

съ выводами доисторической археологии. Подобнымъ же образомъ, данныя, добытыя сравнительно-психологическимъ изученіемъ племенъ, могутъ оказаться полезными для индивидуальной психологии и психіатріи, какъ это и было уже выставлено на видъ известнымъ психіатромъ Маудсли. Не лишними могутъ быть икоторыя отдѣлы антропологии и для медицины, и притомъ, какъ для медицины собственно, такъ и для гигиѣны. Выводы, полученные изъ наблюденій надъ анатомическими, физиологическими и патологическими варіаціями человека, какъ проявленіемъ въчеловѣкѣ; чествъ явленія наследственности, изменчивости, приспособленія къ средѣ, надъ вліяніемъ на человека тѣхъ или другихъ внешнихъ условій, того или другаго рода пищи и образа жизни, надъ смѣшеніемъ и вымираніемъ племенъ, даже надъ нравами и обычаями могутъ, въ некоторыхъ случаяхъ, представлять и значительный интересъ для медика и, по всей вѣроятности, въ недалекомъ будущемъ, обратятъ, на себя большее, соотвѣтствующее ихъ значенію вниманіе. Но еще болѣе важное значеніе представляетъ антропология для зоологии и исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, она, такъ сказать, выполняетъ пропастъ, лежащую между этими двумя отраслями знаніями. Какъ зоология остается, безъ нея, безъ вершины, такъ исторія, безъ нея, остается безъ начала. Зооло-

гь встр#чаетъ въ животномъ царств#, постепенное осложненіе организаціи; онъ видитъ, въ различныхъ его группахъ, различныя проявленія умственныхъ способностей, находитъ зачатки общества, семьи, брака, проявленія нравственныхъ и соціальныхъ инстинктовъ. Для него представляетъ интересъ знать, какъ далеко это постепенное осложненіе физической организаціи проявляется въ групп# высшаго порядка, на сколько уровень умственного и нравственного развитія въ ней подвергается колебаніямъ по отд#льнымъ разновидностямъ. Не меньшій интересъ, по нашему мн#нію, можетъ представлять антропология и для исторіи. Одинъ изъ нашихъ историковъ, проф. Герье, выразился, что для усп#ха исторической науки необходимы два условія: знакомство съ историческимъ матеріаломъ; и собственное развитіе. "Первое, говоритъ онъ, возможно при добросов#стномъ, трудолюбивомъ и тщательномъ изученіи источниковъ, для достиженія же втораго нужно изученіе философіи и искусства". Но что разум#ть, въ данномъ случа#, подъ изученіемъ философіи? Въ настоящее время, полагаемъ, признано вс#ми, что философія не мыслима безъ реальной основы; спрашивается, въ чемъ искать эту реальную основу? Съ своей стороны, мы не можемъ не согласиться съ Герландомъ; что такую основу можетъ дать только антропология. Только она мо-

жесть привести къ философскому познанію чело#в#ческой природы, можетъ уяснить, до н#которой степени; ея различныя типы и различныя формы ея развитія. Но, кром# того, антропология можетъ охватывать, вы н#которыхъ случаяхъ, и прямую пользу исторіи, подтверждая своими аналитическими изсл#дованіями ея синтетическія выводы и находя результатами своихъ наблюденій на н#которыя полезныя историческія догадки и соображенія. Важность антропологическихъ данныхъ для исторіи сознавалась еще, хотя и смутно, Монтескьё и Гердеромъ, но въ особенности была выставлена на видъ Вилльямомъ Эдварсомъ, въ его изв#стной стать#: "о физическихъ признакахъ чело#в#ческихъ породъ и ихъ отношеніе къ исторіи", переведенной на русскій языкъ проф. Грановскимъ. Зд#сь кстати зам#тимъ, что Грановскій и самъ былъ того мн#нія, что выводы антропологии могутъ быть не лишними для исторіи. Въ своей р#чи о современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи, прочитанной имъ на университетскомъ акт# 1852 г., онъ говоритъ между прочимъ: "исторія должна выступить изъ круга наукъ историко-юридическихъ на обширное поприще естественныхъ наукъ. Ей нельзя дол#е уклоняться отъ участія въ р#шеніи вопросовъ, съ которыми связаны не только тайны прошедшаго, но и доступное чело#в#ку пониманіе будущаго. Д#йствуя за одно съ

антропологіей, она должна обозначить границы, до которых достигали въ развитіи своемъ великія породы человѣчества и показать намъ ихъ отличительныя, данныя природою и проявленныя въ движеніи событій, свойства.

Не меньшую важность признавалъ за данными антропологии и другой нашъ историкъ проф. Ешевскій, какъ то можно видѣть изъ этнографическаго введенія къ его печатному курсу всеобщей исторіи, читанному имъ въ 1861 году, по возвращеніи изъ-за границы. Въ тѣхъ же лекціяхъ Ешевскій указалъ на важность приложенія антропологическихъ данныхъ и къ разработкѣ русской исторіи, въ виду того, какъ говоритъ онъ, что "нигдѣ (какъ въ Россіи), быть можетъ, процессъ слитія разныхъ племенъ въ одно цѣлое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, участіе различныхъ ингредиентов въ образованіи новаго племеннаго типа, не обнаруживается съ такою наглядностью, не представляетъ такъ много любопытныхъ данныхъ, даже при слабой еще разработкѣ нашей этнографіи, при недавнемъ еще только стремленіи собрать самые факты, произвести наблюденія – однимъ словомъ, собрать матеріаль, необходимый для выводовъ". Въ настоящее время, по прошествіи 18 лѣтъ, какъ это было сказано, послѣ того, какъ наши свѣдѣнія о различныхъ группахъ населенія Россіи столь значительно увеличились, ко-

гда стали собираться все болше и болше обширные материалы для познания различных народностей не только по отношенію къ ихъ быту и нарчїямъ, но и по отношенію къ ихъ физическому типу, когда, наконецъ, изслдованіе нашихъ археологовъ и палеонтологовъ раскрыли намъ многія любопытныя подробности древняго быта и культуры Скифовъ, Мери, древней Болгаріи, Приднпровья, области Оки, Новгородской земли, Литвы, Польши, Сибири, Кавказа и т. д., важность антропологическаго изученія Россіи, является еще болше очевидною. Мы имемъ теперь нкоторые, хотя и скудные еще, материалы для сужденія о быт# населенія Россіи, начиная съ каменнаго в#ка, съ древней эпохи мамонта и густошерстаго носорога. Есть основаніе думать, что количество этого матеріала будетъ постоянно возрастать. Скоро, мы уврены, будетъ признана настоящая потребность начать, мало по малу, основательную разработку всего собраннаго до сихъ поръ матеріала по русской этнографіи и доисторической археологіи, приступить къ обработк# всей этой массы сырья въ пригодное, такъ сказать, состояніе для его усвоенія. Покуда не было сд#лано еще, ни одной серьезной попытки такого обобщенія: массы фактовъ сносятся въ кладовую, но никто не р#шается приступить къ ихъ обработк#. Съ своей стороны, мы полагаемъ, что это происходитъ

отчасти отъ недостаточнаго сознанія важности всѣхъ этихъ фактовъ для нашего самопознанія, для нашей исторіи, а отчасти также отъ отсутствія ясной общей идеи, которая бы могла освѣтить разработку этого матеріала, и указала бы тѣ задачи, къ которымъ такое изученіе должно стремиться. Эта идея, это сознаніе задачи, можетъ, какъ я смѣю думать, дать только знакомство съ антропологическими вопросами.